

Николай Львович, вам некогда было жаловаться, что вас как актера недооценили, не востребовали?

— Я, может, где-то сам себя не востребовал. Но так уж вышло.

— А как же народная любовь, популярность?

— Да не было у меня никогда особой популярности. На меня и внимание-то по большому счету обратили только после 30-летия "Белого солнца пустыни", когда показали юбилейные телепрограммы. А до этого мало кто замечал... Конечно, если бы раньше писали обо мне и по телевизору показывали — может, я и в тюрьме бы не сидел, и жил бы неплохо...

Говорят, в жизни надо пройти огонь, воду и медные трубы. Я все прошел, а медных труб — славы то есть, — испытать не пришлось.

Когда "Белое солнце пустыни" вышло на экраны, я был в армии. И столько кинорежиссеров, оказывается, хотели видеть меня в своих картинах. Но я этого не знал: в часть приходили приглашения, а начштаба, гад, складывал их у себя в сейфе. Когда уходил на дембель, он отдал мне пачку повесток и говорит: "Вот тебе, артист, снимайся!" А я ему: "Ну, спасибо! Порадовали".

— Значит, все началось с начштаба...

— Все беды начались в 76-м, когда я разошелся с первой женой Галей (у меня от нее осталась дочка Маша, ей скоро 25). А Гале было 26, когда мы поженились, она была старше меня на 4 года. И она свою молодость где-то там, как говорится, проиграла. А я сошелся с ней сразу после армии и гулянками еще не переболел. Хотя тогда был хреновым семьянином, отвлекался от семьи... Но чувство ответственности за нее все же было! И если я совершал какую-то оплошность, меня угнетала совесть, я пытался все исправить, себя одергивал, утихомиривался. Но столько энергии было неистраченной! К сожалению, Галя как человек бытовой меня во многом не понимала. Я вынужден был — во благо семьи — идти туда, где вообще от-вратно было находиться, но нужны были деньги.

— Отвратно — это где?

— Я пошел на кожевенный завод. Работал сушильщиком кож. Потом уволился, и сразу вроде легче стало, ступор внутренний пропал. А так... по жизни кем только не приходилось работать — был и слесарем, и строителем, и грузчиком, и варщиком фруктов на кондитерской фабрике...

— Вторая жена вас понимала лучше?

— Не знаю, можно ли назвать ее женой... С этой женщиной я познакомился уже после второй сидки — в местах не столь отдаленных. Звать ее Римма. Когда кончился прокурорский надзор, я собрался в Питер. А она позвала жить к себе, в Вырицу. Она выпивала, курила, и еще у нее была беда: до меня вышла замуж, хотела ребенка, но — не получалось. А я такой человек: если живу с женщиной, то остаюсь ей предан до конца. И даже при всех ее минусах стараюсь в себе копить плюсы, чтобы ни в чем не чувствовать к ней неприязни. Когда Римма забеременела, я положил ее на сохранение, она и курить, и пить бросила и родила пацана, Артема... Так я и остался жить у нее примачком. Подумал: может, действительно это моя семья? Стал ночным сторожем в вагон-ресторане, но потом не поладил с начальством, пришлось уйти. Остался без работы, очень трудно было снова устроиться — с моей-то биографией. И вот однажды пришел домой, смотрю: мои вещи на улице выставлены, входная дверь закрыта, а в квартире — полуторагодовалый сын, который не понимает, что происходит, что нас разлучают навсегда. Римма с тещей мне в окне кулаками грозят и неслестные эпитеты выкрикивают, а рядом Артем смешные рожи корчит. У окна стол стоял, и он на него незаметно вскарабкался...

Идти мне было некуда. Стал бомжевать. Третья отсидка была — два с половиной года. Вы вправе спросить: "Легко ли было людей обворовывать?" Скажу так: я себя чувствовал уютно. Воровать не умел и на квартирную кражу пошел, потому что это было самое легкое, для нее не нужно быть специалистом. Не видел я для себя тогда другого дохода. Когда от Риммы выгнали, прикинул: "Ну, сделаю толчок". Очень хотелось вернуться к Артему. Казалось: принесу им куш, может, смягчатся.

— А больше не к кому было податься? Вы же — питерский.

— Представьте себе, не к кому. Отец и мать меня тогда тоже не приняли.

— Что вам помогало держаться на зоне?

— Напрасно многие думают, что мне помогало кино. Конечно, когда я еще только по этапу шел, на зоне уже знали: "Петруха из "Белого солнца" к нам едет!" Тюремный телеграф четко работает. И по первости это меня выручало. Зекам же интересно увидеть живого киноактера, познакомиться, поговорить, порасспрашивать. А потом уже — простите. Потом ты такой же, как все, кем бы ты ни был на воле. Случалось, кто-то из авторитетов ко мне иначе отнесется, слабину даст. Но были и другие. Кому-то я не нравился. Эти, вторые, начинали меня прижимать. И тогда "мой" авторитет говорил: "Колек, ты, конечно, извини, но мне из-за тебя ругаться нет резона". Приходилось защищаться самому — и лом в руки брал, и топор, и ножницы. Однажды ножницами я уже просто убивал человека, когда меня схватили.

— Говорят, вы полгода отсидели в одиночке...

— Это случилось на зоне под Вологдой, в Шексне. У меня был срок 4 года. Отсидеть оставалось 7 месяцев. И вот как-то после работы на лесной бирже вызвали меня в ШИЗО.

Прихожу, а гаи сидит старший опер. Я глаза его до сих пор помню — ледяные. В них — ничего святого. Говорит: "Ну что, биржу поджег?" Оказывается, когда мы с биржи ушли, она сгорела. И один из зеков на меня показал: "Он курил" (курить на бирже категорически запрещалось). А я и вправду курил, но — рядом с пожарной бочкой, полной воды. И отлично помнил, что окурки в эту бочку бросил.

Когда опер начал нажимать, я пошел в от-каз — не курил, и баста. Деваться было все равно некуда — мой срок заканчивался, а за поджог еще бы добавили. Тогда меня отвели в

брюки, обувь и прочее. Ему денег не даю — он еще не привык к этим тысячам".

Я очень обязан этому человеку. К сожалению, его убили. Но это судьба многих таких людей...

— Вы верите в судьбу, предопределе-ние?

— Прежде чем сказать: "Не повезло, судьба!", я всегда стараюсь заглянуть в себя. И в душе никого не обвиняю — даже если есть такое желание, — а прихожу к выводу: во всем, что в моей жизни произошло хорошего и плохо-го, по большому счету виноват я сам.

— Сложно... Как в хорошей семье не без урода, так и в хреновой ментуровской системе — не без хороших людей. Наверно, мне, по моей жизненной струне, нужно было бы сказать: "Ментов ненавижу!" Нужно — но не могу. Случалось, мне и менты помогали...

— А может, вам помогли, потому что вы — Петруха? Будь вы какой-нибудь Колька-Гной из подъезда, все было бы иначе...

— Мне два мента в "Крестах" сказали прямо, по-русски: "Нам по х... твоё кино, ты нам сам симпатичен как человек". Один из них был корпусной начальник, второй — галерный. Так я

Николай Годовиков (он же — Петруха в "Белом солнце пустыни") был беспризорником, киноартистом, бомжем, заключенным. Но тунеядцем так и не стал

Москва, комсомолец, — 1999 — 6 февр. — с. 2

"БЕЛОЕ СОЛНЦЕ..."

В КЛЕТОЧКУ или Житие Петрухи-заточника

— Ваша первая и как бы роковая роль в кино — беспризорник из "Республики ШКИД"?..

— Пацаном я сам беспризорничал, по вагонам скитался. Но тогда вовсе не воспринимал это как личную трагедию. Снова стать "беспризорником" пришлось уже в зрелом возрасте. Вот это было очень больно, но я никому не показывал свою боль. Да она никому и не нужна была.

Многие бомжи навсегда привыкают к своей жизни. А я — не смог. Бутылки не стал собирать. Не получилось устроиться на работу. Пошел воровать.

— Шрам над правой бровью — память о зоне?

— Нет, это бытовое. Поранился стеклом очков, когда мне в глаз кулаком заехали. Однажды в выходной решил посидеть на скамейке у парадной — погода хорошая, настроение тоже. Рядом бегал мой песик Джерри. А он две категории граждан на дух не переносит: людей в форме (особенно милицейской) и пьяных (из всех выпивших только меня одного терпит).

Короче, какой-то пьяный мужик рядом стоял. Джерри стал на него лаять. А тот взял и ногой пунул. Я вскопил — и на удар нарвался.

— Ваш пел миллионеров недолюбливает. А вы сами как к ним относитесь?

открывал камеру отмычкой и по тюрьме гулял! Они, правда, предупредили: "Только не попа-дайся на глаза, а то в глаз дадим!"

Корпусной был кабан раз в пять крупнее меня, кулаки, как помойные ведра. Сначала он посадил меня в карцер и чуть не убил, настолько мы друг друга при знакомстве возне-навидели. Ночью вытащил из камеры и чуть фаршем через решетку не пропустил. А потом ничего — отошел. На Новый год мы с зеками в камере наварили чифиры по литровой кружке, чокнулись, и вдруг бам — "кормушка" открылась, все свой чифирь кинулись прикрывать. А корпусной кричит: "Ладно, не прячьте, знаю, уже наварили!" И не стал наказывать. Мы по-тому почти подружились.

— Красноармеец Петруха был идей-ным. Говорят, вы были против переимено-вания Ленинграда в Санкт-Петербург...

— Я перед коммунистами никогда не благоговел и в юности был чуть ли не диссидентом — следил за процессом над Даниэ-лем, и когда читал о судилище над Бродским, чуть не плакал. Хотя был воспитан на опреде-ленных догмах, и когда стал что-то сообра-жать в политике, метался в поисках правды. А теперь одно вижу: в Питере — после пере-именования — стало больше нищих.

— Ваши киногерои воевали за держа-

ву, против басмачей. Сегодня в России "но-вые басмачи" — чеченцы?

— Какие там басмачи, бросьте! Их же спровоцировали. Раньше многие русские пра-вители держали в личной охране чеченцев — это такие верные люди, что готовы умереть за хозяина. И сегодня наши пацаны, уходя из че-ченского плена, как с родными прощаются с те-ми, у кого жили. Многие на кухне базарят: "Вот чурки несчастные! наших ребят поубивали!" А кто войну развязал? Сколько пацанов военкома-ты послали в эту мясоробилку по липовым на-правлениям? Но все равно у солдат против них нет идейной ненависти, только если личная...

В середине 80-х мы разговорились с "аф-ганцем", парнишке еще двадцати не было. Я тогда пошутил над такими, как он: "Вам, гово-рю, до двадцати одного года в магазинах вод-ку нельзя покупать, а в восемнадцать людей убивать — можно. Хотя, видно, из вас сделать убийц на трезвую голову". Теперь понимаю: смех-то был нехороший... И вот я его пытаю: "Юр, ты как к "афганцам" относишься?" А он рассказывает случай: однажды, когда их взвод стоял на "зеленке", духи у них выкрали бойца. А ночью забросили обратно — без рук, без ног, язык отрезали, уши, выкололи глаза. От парня остался кусок мяса. Но он еще жил... И его наш "гуманный" врач пытался спасти. Тогда ребята вошли в госпитальную палатку с авто-матами и сказали: "Усыплай! Иначе мы тебя грохнем прямо тут". "Так вот, — сказал мне Юра, — я после этого многих духов поубивал. И сейчас об одном жалею, что ни одного так и не схватил, не помучил, не поступил так, как поступили с моим другом. А к афганскому на-роду — в целом — у меня ненависти нет".

— Но когда вы играли в "Белом солнце пустыни"...

— Да, был идейным, не скрываю. Но уже тогда начал сомневаться. В Дагестане на съемках решил блеснуть эрудицией перед местными: "Как же, знаю, Хаджи-Мурат — ваш национальный герой!" А они мне: "Ты только больше никому не говори об этом. Зарэжут!" — "Почему?" — "Хаджи-Мурат — нз герой. Прздатель!" И дали прочесть толстен-ный фолиант про Шамиля.

— Вернемся в сегодня. Что вас сегодня поддерживает?

— Жена Люся. Людмила. Это первая жен-щина, которая меня понимает. Она меня млад-ше, но разница в возрасте не очень большая. Живем вместе 4 года. С нами живет ее дочь Валерия, ей 20 лет, учится в Строительном ин-ституте. Смешная — зовет меня Львович. "Ма-ма, Львович, не мешайте, я учусь!"

— Это Людмила помогла вам устроить-ся в "Метрострой"?

— Она меня порекомендовала начальнику СМУ, в котором работает. Начальник — главный маркшейдер Владимир Степанович, царство ему небесное, был отличный человек, мы все звали его Дед. Он любил кинематограф и ко мне отнесся с симпатией. А теперь Люся — мой непосредственный начальник.

— То есть вы счастливы...

— Я думаю, счастье — это когда идешь на работу не как на каторгу, а действительно как на праздник. У меня это "рабочее сча-стье" сегодня есть процентов на 70. В нашем СМУ классные мужики, но есть и люди отри-цательного плана, которые всю гармонию ло-мают. Под землей, в замкнутом пространстве тоннеля, от них нигде не уйдешь. Если мне человек не нравится, я к нему просто не по-дойду, и все. А тут хочешь не хочешь, по ра-боте приходится. И мне это неинтересно, и от работы отталкивает...

Вторая часть счастья — это когда тебя понимают дома. Это огромная сила в жизни человека.

— А как вы оказались в театре?

— Год назад я подошел к главному ре-жиссеру театра "На Софийской" Володе Ко-лесникову и сказал: "Вовка! Мы с тобой вме-сте в "Республике ШКИД" беспризорников играли. Теперь у тебя свой театр. Почему меня не пригласишь?" А потом — забыл об этом. И как он меня ошарашил, когда однаж-ды позвонил и сказал: "Вот тебе пьеса, че-рез неделю спектакль".

А до этого я на сцене вообще никогда не играл, только в кино. И когда Колесников меня все-таки позвал, я так загорелся! У меня другая жизнь началась. Я так тосковал жил! Нет, было: прекрасная жена, работа не в тягост. Но это не все! А тут — театр...

— Вы играете на сцене вместе с деть-ми-актерами. Говорят, это психологически очень трудно.

— У меня нет никакого апломба. На сцене дети — мои коллеги, соратники, эти щеглы... Родители им скажут: "Как так, Годовиков играет с вами, такая звезда!" Ребятишки и смотрят на меня круглыми глазами. А какая я звезда?

На первой репетиции мне пришлось само-му разрядить обстановку — я просто показал, что, как и они, подчиняюсь режиссеру и на сце-не ничуть не лучше их. Но они по первости все равно прибрегали и спрашивали: "Как вас назы-вать?" А теперь освоились и зовут дядя Коля. Или Головастый — как в спектакле.

Владимир КОЖЕМЯКИН.

Фото Валентина ИЛЮШИНА и из архива.

"МК" в Питере".

Накануне встречи корреспондентов "МК" в Питере с Петрухой случилось ЧП: актер Годо-виков сломал пятаку и оказался в больнице. Там мы его и сфотографировали.

Кстати, вместе с нами его в тот день наве-щала та самая Гольштай. И для нашего фото-корреспондента она все-таки открыла личико...